

ВАЛЕНТИНА ВЕЙН

ЛИПКАЯ СМОЛА

Валентина Вейн

Липкая смола. Часть 1

«Автор»

2026

Вейн В.

Липкая смола. Часть 1 / В. Вейн — «Автор», 2026

Год 1628-й от Рождества Христова. Русское царство только что пережило Смуту, едва не захлебнувшись собственной кровью. Династия Романовых держится на воеводах, пиках стрельцов и бесконечных верстах казенной бумаги. Империи нужны меха - мягкое золото. А путь к пушному Эльдorado лежит через Камень (Урал), где начинается воля тайги. В основу романа положены исторические события, имевшие место в период создания острога в Красном Яру. Вместе с тем, автор не претендует на достоверность описываемых событий, что никоим образом не лишает его духа того времени, а образы героев происходящих событий и их переживания погружают нас в то далекое время. Чтобы распутать произошедшую историю, героям придётся слушать не только шелест бумаги, но и шёпот берега, и легенды, и даже испытывать страх. Потому что на берегах Енисея в эпоху острогов правда редко лежала на виду. Чаще её прятали под слоем смолы, за частоколом, в чужих словах и в старых знаках, которые умели читать лишь немногие.

© Вейн В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валентина Вейн

Липкая смола. Часть 1

Глава

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем лечь на бумагу, история Красного Яра запеклась в горле сухим дымом и застыла в жилах стынью, настолько драматичными были события того времени.

Год 1628-й от Рождества Христова. Русское царство только что пережило Смуту, едва не захлебнувшись собственной кровью. Династия Романовых держится

на воеводах, пиках стрельцов и бесконечных верстах казенной бумаги. Империи нужны меха – мягкое золото, чтобы платить шведам и туркам. А путь к пушному Эльдorado лежит через Камень (Урал), где заканчивается власть креста и начинается воля тайги.

Енисей в те времена был не рекой, а мифом. Черной веной земли, по которой вниз, в никуда уходили струги отчаянных казаков. Место слияния полноводного Енисея и быстрой горной Качи было известно тюркским племенам задолго до прихода русских. Качинские татары называли это урочище *Кызыл Джар* – Красный Яр. Не от цвета революционных знамен, которых здесь еще три века не увидят, а от высокого обрыва берега. Глина там была особенная – охристая, с прожилками железной руды. После дождя мокрый склон пылал под низким солнцем, как открытая рана.

В мае того же года на высоком берегу при впадении реки Качи в Енисей высадили небольшой казачий отряд под предводительством московского дворянина воеводы Андрея Дубенского.

Андрей Ануфриевич Дубенский был из тех людей, чья жизнь с самого начала шла по глухой, государевой колее – не к свету, а к дальнему северо-востоку, где имя человека быстро становится корочей холода. Сын боярский, воевода, он жил так, как живут служилые люди старой Москвы: без лишних слов, без надежды на мягкую долю, с вечной оглядкой на волю государя, которая срывает человека с места и бросает его туда, где еще не успела осесть человеческая память. Именно ему было велено поставить Красный Яр, и сейчас он стоял на яру над Енисеем не с праздной гордостью, а с суровой необходимостью человека, которому поручено удержать пустоту. Он не строил город – он вгонял в тайгу русскую волю, вбивал ее в мерзлую землю, в сырой берег, в ветреный простор, где вода ходит тяжелыми кругами и ночь стоит дольше, чем молитва. Говорили потом, что он возвратился в Москву и получил дворянство, но это уже была другая жизнь, чужая память; в Сибири же он остался тем, кто первым поставил здесь дерево против безмерности и заставил Енисей принять острог как знак власти.

Вместе с воеводой прибыли тридцать казаков-плотников и сотня гулящих людей. Их задача звучала сухо в государевой грамоте: «поставить острог для оберегания новых ясачных земель». Но истинная цель была жестче: вбить клин между владениями енисейских киргизов и монгольских Алтын-ханов, перекрыть степнякам дорогу к грабегам северных промысловиков.

«Место гоже, высоко и красно» – писал воевода. Оттого

и стали звать новую крепость-острог Красным Яром.

Место выбрали дьявольски удачное и столь же проклятое. С одной стороны – стремительная Кача, чьи пороги зимой превращаются в ледяные ножи. С другой – бескрайняя, глухая темнохвойная тайга, которая давила на психику сильнее любого тюремщика. Здесь не было мягкой почвы Рязани. Земля требовала крови.

Острог рубили «в углы», связывая лиственничные бревна замком. Лиственница – дерево вечности. Она тонет в воде, становится тверже железа, но первые годы пахнет горькой хвоей и слезится янтарной смолой. Именно эта липкая смола станет клеймом этого места. Казаки строили стены прямо в кольчугах, не выпуская сабель из рук: со стороны реки постоянно посвистывали калмыцкие стрелы.

Красный Яр рождался не как город купцов или ремесленников. Это был военный лагерь, переросший в тюрьму без решеток. Сюда царь Алексей Михайлович начнет ссылать тех, кто стал неудобен трону. Именно поэтому исторически первыми постоянными жителями таких мест становились не только служилые люди, но

и государственные преступники – ссыльные черкасы, литвины (поляки) и поморы-раскольники которых отправляли в Сибирь «на вечное житье» для усиления стоявшего там гарнизона тяжелым трудом.

Представителем же высшей власти выступал воевода, хозяйственником и контролёром был приказный, а основу стройки составляли десятники и плотники. Стрельцы охраняли строящийся острог от набегов.

Конфликты между этими группами обитателей острога были неизбежны.

Империя прислала их сюда умирать во славу государева ясака. Вместо жен им дали мушкетеры, вместо пашни – промерзшие скалы. И когда первая зима ударила морозами за пятьдесят градусов, стало ясно: это поселение, впоследствии ставшее городом, выживет не благодаря указам Москвы, а вопреки им. Оно будет держаться на звериной ярости сосланных воинов, на фанатизме староверов и на страхе перед тем, что ждет человека за воротами частокола. Липкая смола на стенах нового сруба стала метафорой самой истории этих мест: всё здесь склеено потом, грязью и чужой кровью, которую невозможно отскрести ни временем, ни покаянием.

В основу романа положены исторические события, имевшие место в период становления города Красноярска, создания острога в Красном Яру. Вместе с тем, автор не претендует на достоверность описываемых событий, что никоим образом не лишает его духа того времени, а образы героев происходящих событий и их переживания погружают нас в то далекое время.

Чтобы распутать описываемую в произведении историю, героям придётся слушать не только шелест бумаги, но и шёпот берега, и легенды, и даже испытывать страх. Потому что на берегах Енисея в эпоху острогов правда редко лежала на виду. Чаще её прятали под слоем смолы, за частоколом, в чужих словах и в старых знаках, которые умели читать лишь немногие.

ГЛАВА 1. СОЛЬ НА КАМНЯХ

Ветер гнал по Енисею свинцовую рябь, будто сам дух реки сердился на дерзких пришельцев. Холодные струи бились о берег, вымывая из глины старые кости – то ли звериные, то ли еще какие – кто разберет. Над мокрым берегом, где песок перемешался со щепой и смолистыми опилками, тянулся частокол – пока еще не крепость, обещание крепости: бревна стояли неровно, меж ними зияли щели, а над срубом ворот висел тяжелый запах свежей древесины и дыма от костров.

За частоколом, в низине, где земля пропиталась потом и кровью строителей, чернели выжженные пятна – места будущих избов и амбаров. Тайга за спиной молчала, но молчание ее было не мирным, а затаенным, как у хищника перед прыжком. Кедровые стволы стояли стеной, их вершины почернели от вековых дождей, скрывали небо, и лишь изредка между стволами пробивался луч солнца – бледный, неуверенный, словно боявшийся коснуться этой земли.

Здесь, на краю мира, где тайга подступала к самой воде, а ночи были черными и густыми как смола, рос острог – по государеву указу, в оборону и чтобы держать рубеж и собирать ясак. Река текла мимо, равнодушная к этим затеям, широкая и холодная, с темными омутами, где,

по слухам, водилась нечисть. Утром над водой стелился туман, белёсый и липкий, скрывающий дальние берега, и то, что плывёт не по реке, сквозь сон.

Для Москвы это был «новый рубеж», для воевод - честь и хлеб, для плотников и стрельцов - тягота и риск. Вокруг острога, на пригорках, где ветер выдувал песок, желтели проплешины - следы костров, у которых грелись ночные караулы. Вдали, за рекой, наряду с мягкими овалами сопок, синели отроги гор, покрытые мхом и лиственницей, и там, в глубинке, жили люди, не знавшие ни короля, ни креста, чьи имена русские люди выговорить не могли.

Июль 1629 года вышел знойным. Дышать было нечем. Воздух над Красным Яром превратился в густой кисель из гнуса, запаха прелой хвои и сладковатого запаха то ли свежерубленных брёвен, то ли трупа. Мошка вилась столбом, лезла в глаза, в рот, в уши и никакая сетка не спасала. Псы, осаждающие ворота, скулили и бились о цепь, сбивая лапы в кровь. В полдень, когда солнце стояло прямо над головой, казалось, что сама земля плавится, и тени от брёвен ложились на землю чёрные, резкие, как порезы ножом. К вечеру ветер стихал, и тогда слышно было, как вдалеке, за рекой, воет волк - одиноко, протяжно, и эхо катится по воде, замирая где-то в тайге. А ночью, когда костры догорали и пепел остывал, над острогом нависала тишина, и в этой тишине мерещилось: то ли шаги в кустах, то ли шорох, то ли просто кровь в ушах стучит.

Дьяк Посольского приказа Игнатий Мещеряков ступил на берег Енисея, и правый сапог его тут же увяз в серой глине по самую щиколотку. Сибирь приняла московскую кожу беззубым, гнилым ртом.

Игнат был человеком бумаги и печати, человеком приказного чернила, сухого скрипа перьев и тяжелой, неумолимой строки, после которой меняется судьба целых уездов. Он вырос среди тетрадей, грамот, печатей и запечатанных слов, где каждое письмо пахло сургучом, страхом и большой государственной нуждой. Его мир состоял из ровных строк полуустава, того самого запаха сургуча и сухого треска берестяных грамот. Таких людей Москва держала близко, но любила мало: они были ее незримыми нервами, через которые воля доходила до самых дальних краев, не теряя своей холодной остроты. В Сибирь он ехал не ради славы и не ради приключения, а ради учета, порядка и той строгой меры, которой государство старается удержать распадающийся мир. Но чем дальше уходила дорога от кремлевских стен, тем явственнее Игнат понимал, что бумага здесь не всегда сильнее дыма, а печать не всегда удержит голод, страх и чужую жадность. И потому в нем жила не просто служба, а сама столичная вера в то, что мир можно связать строкой - даже если за окном уже стоит лес, вода и смерть.

За спиной остались белокаменные палаты Кремля, звон колоколов и понятный порядок вещей. Здесь же порядка не было. Был только вектор: вперед, в смерть, пока не кончится порох или терпение Божье.

Его встречали. На берегу, привалившись плечом к просмоленной лодке-долбленке, стоял воевода Андрей Дубенский. Лицо воеводы напоминало вытертую медвежью шкуру - дубленое, в глубоких трещинах морщин, с глазами цвета болотной ржавчины. Он не поклонился столичному гостю.

- Заждались, дьяк,- прохрипел Дубенский, сплевывая желтую слюну в воду. - Вода падает. Скоро брюхо о камни чесать будем. Груз твой цел?

Игнат молча кивнул на два окованных сундука. Там лежало не золото. Там лежала бумага. Десятки пудов государевых инструкций, росписи хлебных запасов и жалованные грамоты. Бумага, которая должна была превратить эту свору озверевших бродяг в регулярную армию империи.

Они пошли к острогу. Ворота были распахнуты настежь - глупая бравада в месте, где человеческая жизнь стоит дешевле фунта соли. Внутри пахло гарью, немытыми телами и спиртом. Красноярский острог представлял собой правильный четырехугольник. По углам - глухие башни-амбразуры. Стены венчались крытым ходом, откуда тянуло кислым запахом овчины. Между избами грязь никогда не высыхала, превратившись в сплошное болото.

Их шаги гулко отдавались по деревянным мосткам, перемежавшимся каменной кладкой из камней, собранных по берегу Енисея.. Навстречу попался казак в одном исподнем. Рубаха была густо перепачкана солью. Он нес на плече огромную рыбину – осетра, которому вспороли брюхо прямо здесь, бросив икру и требуху собакам. Рыбина истекала белесым соком. Соленая вода капала на дерево мостовой, впитываясь, но оставляя темные язвы, а на каменной кладке засыхая белесыми кругами.

«Соль на камнях», – подумал Игнат. – «Здесь даже еда плачет».

В съезжей избе было сумрачно. Свет падал сквозь бычий пузырь окна, делая лица собравшихся похожими на мертвые маски.

- Вот, господа служилые, - пробасил Дубенский, тяжело опускаясь на лавку. - Прибыл к нам господин из Москвы. Дьяк Мещеряков. Будет считать ваши грехи да наши запасы.

Игнат встал посреди комнаты, расправляя плечи, затекшие от долгой дороги в седле. Он обвел взглядом присутствующих. Справа сидели «государевы люди» - десятники гарнизона. Лица плоские, глаза пустые. Этим терять нечего, кроме жизни, которая здесь никому не нужна. Слева, отдельной мрачной группой, расположились черкасы – целый отряд запорожских казаков во главе с харизматичным, но озлобленным сотником Остапом Грицюком. Эти люди попали сюда после резни под Вильно, где неудачей закончилось восстание против польского короля. Их сослали не на каторгу, а на службу - охранять границы империи, которую они ненавидят. Они носили кафтаны польского кроя, но держали в руках русские бердыши. Для них Москва была мачехой, отправившей их грызть мерзлую землю Сибири. Для них сожженная ладья - это бунт против скудного жалования, которое им задолжала казна.

Остап Грицюк был из тех казаков, кого беда делает не тише, а тяжелее. Лицо его, иссеченное старым шрамом, с обрубленными пальцами и взглядом человека, давно переставшего ждать милости, носило на себе память о жестоких схватках и о дороге, которая привела его не к воле, а к чужой границе. Он пришел в Сибирь не по своему выбору, а вместе с горечью поражения, с обломками прежней жизни, с ненавистью, которую некуда было деть. Таким людям Москва была и хлебом, и ссылкой: она кормила их жалованьем, а в ответ требовала покорности, которой в них уже не оставалось. В остроге Остап стоял как заноза в сыром дереве — не громкий, не суетливый, но опасный именно тем, что в нем не было примирения. Он мог молчать часами, и в этом молчании было больше угрозы, чем в любом крике: человек, потерявший родину, редко бывает покорен до конца.

Остап Грицюк смотрел на Игната в упор, не мигая. У него не хватало двух пальцев на левой руке, а через левую скулу шел старый рваный шрам. У печи, пряча лица в глубокие тени капюшонов, стояли другие. Старообрядцы. Выговская община. От них веяло мертвенным спокойствием могилы. Они молчали так громко, что звенело в ушах.

- Государь велел передать, - голос Игната прозвучал неожиданно высоко и чуждо в этой прокуренной духоте, - воровства более терпеть не намерен. Ладья государева сгорела. Порох пропал. Хлеб...

- Хлеб мыши съели, - перебил его сиплый голос от двери. Приказчик Фрол. Человек-шакал. Маленький, юркий, с бегающими глазками. Он ведал складами. Единственный в остроге, кто ходил в атласном зипуне, хотя сам, по слухам, родился в грязи Вологды.

Фрол был человеком склада и счетной ямы, человеком мешка, ключа и куска хлеба. В его мелкой, юркой фигуре жила та особая порода служилых людей, которые умеют быть незаметными до тех пор, пока не исчезает казенное добро. Он ведал запасами и потому стоял ближе всех к соблазну: рядом с хлебом, солью, порохом и страхом, который делает руки липкими. Такие люди редко бывают героями и почти никогда — мучениками; они живут между доверием и воровством, между приказом и выгодой, и вся их биография обычно умещается в амбарную книгу. Но именно из таких Фролов держатся остроги, потому что там, где все на голоде и на нервах, хитрость порой ценится выше честности.

- Мыши нынче лютые, дьяк, - ухмыльнулся Фрол, обнажая черные пеньки зубов. - Огонь любят. Третьи сутки амбар греем, чтоб не пучило.

Игнат проигнорировал шутку. Он подошел к столу, достал из поясной сумки чистую тетрадь в кожаном переплете и кинжал для очинки перьев.

- Где тело? — спросил он.

Фрол дернул щекой:

- Так схоронили уж. У большого кедра, за рвом. Нехорошо православному на жаре тухнуть. Да и собаки... интерес проявляли.

- Воевода сказал - несчастный случай? - Игнат макнул перо в чернильницу.

- Известно дело, - пожал плечами Дубенский. — Курил, верно. Или искра от кресала. Там же пакля, смола... Дело житейское. Означь в бумаге: «За небрежением огню предан».

Игнат замер. Перо зависло над бумагой. Он поднял глаза на воеводу. Столичная кровь дала о себе знать - холодом под ложечкой.

- Я должен осмотреть место, - тихо сказал Игнат.

- Чего там смотреть? Угли одни, - буркнул Фрол. Темнеет уже. Тайга ночью глотает без разбору.

- Я осмотрю сейчас, - отрезал Игнат и решительно поднялся. - Мне нужно видеть пепел.

Он вышел из душной избы первым. Солнце садилось за спины дальних сопок, окрашивая тайгу в цвет запекшейся крови. Красный Яр оправдывал свое имя. Запах гари чувствовался издалека. Когда они подошли к берегу, ветер донес нечто другое. Сладковатый, тошнотворный запах жженого мяса, который не могли перебить даже испарения речной воды.

Игнат остановился на краю выжженного круга. Ладьи не было. Вообще. Была лишь огромная черная проплешина на траве, засыпанная серым снегом пепла. Деревянный каркас судна исчез. Его не просто сожгли - его растворили.

- Где остов? - Игнат повернулся к приказчику.

- Так течением унесло, - быстро ответил Фрол. - Как прогорело, так и пошло. Енисей-то вон какой, крутит.

Игнат шагнул на пепелище. Под ногами хрустнуло. Он наклонился и зачерпнул горсть черного праха. Пальцы окрасились графитом. Он поднес руку к лицу. Среди сажи блеснула крошечная желтая точка. Он растер крупинку между пальцами. Жирная, маслянистая. Понюхал. Затем протянул почерневшую ладонь приказчику Фролу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.